



ДЕМЕНТЬЕВ Илья Олегович

кандидат исторических наук, доцент
института гуманитарных наук Балтийского федерального
университета имени И. Канта,
Калининград, Российская Федерация

Ilya O. DEMENTEV

Cand. Sci. (General History), Assoc. Prof.,
Institute for the Humanities,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation,
identev@kantiana.ru
ORCID: 0000-0001-5530-1108



УДК 725.94"1945/1991":911.53(470/26-25)
ГРНТИ 18.31.21
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.003

**Советские гражданские
памятники в культурном
ландшафте Калининграда¹**

**Soviet-Era Civic Monuments
in the Cultural Landscape
of Kaliningrad²**

В исследовании проанализированы обстоятельства появления монументальных гражданских памятников в советском Калининграде (1946—1991 гг.), определена их роль в культурном ландшафте города. Основными источниками послужили архивные документы и публикации в периодической печати. После краткого обзора послевоенной судьбы памятников Кёнигсберга автор описывает обстоятельства появления (и в ряде случаев исчезновения) памятников советским политическим деятелям (И.В. Сталину, 1953—1962; В.И. Ленину, 1958; М.И. Калинину, 1959), других памятных знаков. Особое внимание уделено коммеморации немецких деятелей, в особенности Э. Тельмана (бюст сооружен в 1956 г., новый бюст установлен в 1977 г.) и Ф. Шиллера, чей памятник 1910 г. стал важным объектом городского ландшафта после Второй мировой войны. Автор приходит к выводу, что история монументальной гражданской скульптуры советского Калининграда наглядно демонстрирует своеобразие советской политики памяти в бывшем немецком городе.

Ключевые слова: политика памяти, монументальная пропаганда, культурное наследие, гражданские памятники, Калининград, советский период.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Калининградской области в рамках научного проекта № 19-49-390003 «Историко-культурное наследие как туристско-рекреационный ресурс Калининградской области».

² The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Government of Kaliningrad Oblast, Project No. 19-49-390003.

С точки зрения мемориальной культуры Калининград (до июля 1946 г. — Кёнигсберг) был специфическим советским городом. Гражданская монументальная скульптура как значимый элемент этой культуры представляет собой важный объект для исследования, помогающий определить и своеобразие самого западного российского региона, и противоречивость советской политики памяти. Между тем в историографии практически нет специальных работ, посвященных монументальной скульптуре Калининграда, в том числе и по той причине, что в первую очередь внимание исследователей привлекали военные памятники — от мемориала 1200 гвардейцам, погибшим при штурме Кёнигсберга (открыт уже в сентябре 1945 г.), до многочисленных братских могил. Небольшая статья С. А. Фостовой характеризует монументальную пропаганду в самом западном российском областном центре [44], краткие сведения о памятниках политикам и деятелям культуры в советском Калининграде приведены в справочных изданиях [28] и в монографиях российских и зарубежных историков [31] [49] [51].

В настоящей статье будут проанализированы обстоятельства появления монументальных гражданских памятников в советском Калининграде и определена их роль в культурном ландшафте города. Это исследование, осуществленное в рамках *memory studies* (исследований коллективной памяти), стремится обогатить знание об основаниях советской политики памяти, конкретных механизмах ее реализации и ее региональной специфике. Интерес современных авторов к проблематике политики памяти не ослабевает, что подтверждает новейшая коллективная монография [40]. Такие характерные для этого исследовательского направления понятия, как коммеморация, мемориальный ландшафт, «места памяти», политика памяти, прочно вошли в тезаурус современных историков. С учетом указанной традиции этот категориальный аппарат используется и в настоящей статье. Исследование также опирается на стандартные методы исторической науки — нарративный (установление и изложение фактов), историко-генетический

(исследование политически и идеологически обусловленных изменений в развитии гражданской монументальной скульптуры), компаративный (сравнение состояния и тенденций развития городской скульптуры в Кёнигсберге и Калининграде). Выбор методов обусловлен как постановкой исследовательских задач, так и состоянием источников.

Источниковую базу исследования прежде всего составляют документы Государственного архива Калининградской области [7] [8] [9] [10] [11] [12] [13] [14] [15] [16] [17] [18], зачастую позволяющие реконструировать установки властей и оценить участие (квази)общественных организаций в реализации политики памяти. Корпус этих источников включает как нормативные акты, так и делопроизводственную документацию исполкомов городского и областного Советов депутатов трудящихся, а также обкома ВКП(б) — КПСС (некоторые из документов опубликованы [36]). Большое значение имеют материалы, отложившиеся в фонде Калининградского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (отчеты, охранные обязательства и т.д.). Кроме того, некоторые сведения о коммеморативных практиках содержат публикации местной периодической печати, хотя в силу жестких цензурных ограничений эти сведения всегда страдают неполнотой. В некоторых случаях уместно также использование произведений художественной литературы и мемуаров государственных деятелей местного масштаба.

Предыстория: немецкое наследство. Существенное отличие Калининграда от других крупных советских городов заключалось в том, что новая власть утвердилась в пространстве, где практически отсутствовали «места памяти» русской национальной культуры. Советские переселенцы, прибывавшие в бывшую германскую провинцию Восточная Пруссия во второй половине 1940-х гг., сталкивались с чуждым им культурным ландшафтом, непременным элементом которого выступали памятники немецким деятелям. Прежде всего это были политические фигуры, в той или иной степени воплощавшие традиции германской государственности, и негативное

отношение к ним в целом отвечало идеологически обусловленному подходу советского руководства.

В Кёнигсберге были установлены памятники бранденбургскому курфюрсту Фридриху III (1657–1713; 1698¹), прусскому королю Фридриху Вильгельму III (1770–1840; 1851), его жене — прусской королеве Луизе (1776–1810; 1874), прусскому герцогу Альбрехту (1490–1568; 1891), германскому кайзеру Вильгельму I (1797–1888; 1894), канцлеру Отто фон Бисмарку (1815–1898; 1901) [28, с. 159–176] [52]. Судьба этих объектов культурного наследия в большинстве случаев неизвестна: одни пропали в конце войны, другие — в ходе послевоенного восстановления города. Точно так же были утрачены многие бюсты, барельефы, иные памятники, увековечивавшие память различных ключевых для германской истории персонажей.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди политических деятелей, удостоившихся увековечения, доминировали представители либо династии Гогенцоллернов (преимущественно мужчины, исключением стала королева Луиза, игравшая особую роль в культурной памяти жителей Восточной Пруссии), либо правого политического спектра — скажем, в разных зданиях города за 1915–1936 гг. было установлено 4 бронзовых и 2 мраморных бюста военачальника (и рейхспрезидента в 1925–1934 гг.) Пауля фон Гинденбурга [28, с. 163–164]. Нацисты, придя к власти, начали осуществлять систематическое перекодирование мемориального пространства: уничтожая памятники, они как бы вычеркивали из восточнопрусской истории целые политические и этноконфессиональные традиции, которые и без того не имели по-настоящему монументального выражения. В 1933 г. были демонтированы бронзовый бюст рейхспрезидента и одного из лидеров СДПГ Фридриха Эберта (1871–1925; 1929), установленный перед одноименной школой; мраморные бюсты либеральных политиков еврейского происхождения — уроженцев Кёнигсберга Иоганна Якоби (1805–1877; 1872) и Эдуарда фон Симсона (1810–1899; 1900) [52, с. 28, 165–166].

¹ Здесь и далее в круглых скобках указываются сначала годы жизни деятеля, а потом год установки памятника.

Таким образом, для нацистов типичным стало насилие в отношении городского мемориального ландшафта, в котором они обнаруживали «чужих своих». Дальнейшие разрушения памятников в некотором смысле воспроизводили практику предшественников, хотя идеологически коммунистическое руководство всячески дистанцировалось от них.

Использование немецких памятников после войны в большинстве случаев носило сугубо утилитарный характер. Функции при этом были разнообразными. Иногда бронзовые памятники сдавались на металлолом, а их постаменты приспособлялись для нужд советских «преемников». Так, пьедестал скульптуры Бисмарка достался бюсту А. В. Суворова, а пьедестал пропавшего памятника И. Канту — бюсту Э. Тельмана [19, с. 240]. С другой стороны, монументальная скульптура помогала кинематографическому воплощению образов немецких городов. Например, в фильме Г. В. Александрова «Встреча на Эльбе» (1949) пробитая голова памятника Бисмарку демонстрировалась крупным планом в течение нескольких секунд (3:37–3:40) как часть «сюрреалистического ряда» (Б. Хоппе) [51, с. 124]. В первые послевоенные годы использование зданий и других элементов ландшафта Кёнигсберга в процессе съемок парадоксальным образом продлило жизнь некоторым объектам, хотя в целом активность кинематографистов носила, скорее, разрушительный характер.

Некоторые памятники стали настолько узнаваемой частью городского ландшафта, что упоминания о них проходили даже бдительную советскую цензуру и проникали в печать. Например, памятники Вильгельму и Бисмарку располагались около Кёнигсбергского замка и нередко воспринимались в паре, причем если по поводу Вильгельма могли быть сомнения в идентификации персоны, то в отношении Бисмарка, кажется, никто не заблуждался. Н. Н. Иноземцев, участник штурма Кёнигсберга, в дневниковой записи за 18–20 апреля 1945 г. принял Вильгельма за некоего Фридриха, но канцлера опознал безошибочно: «Бронзовый Бисмарк взирает одиноким глазом (часть головы отбита снарядом) на советскую регулировщицу, на прохо-

дящие мимо машины, конные патрули, как бы спрашивая: „Почему здесь русские? Кто это допустил?“» [25, с. 222].

Похожие чувства эти памятники вызвали у крупных московских историков-медиевистов В. М. Лавровского (1891–1971) и М. А. Барга (1915–1991), приехавших в Калининград в 1948 г. (они планировали работать в курортном Зеленоградске над книгой по истории Английской буржуазной революции). В областной многотиражке историки делились впечатлениями: «Вот они — эти творцы политики „крови и железа“ — предтечи фашистской Германии — Вильгельм I и Бисмарк. Нелепая, напыщенная, позеленевшая от времени статуя Вильгельма с обнаженным мечом. И „железный канцлер“ с обезображенной русским снарядам щекой. Какой глубокой насмешкой звучат слова надписи: „Мы, немцы, боимся только бога, но больше никого на свете“. Вот они — строители рухнувшей Германской империи — среди развалин города, у стен разбитого „королевского замка“» [32].

Памятники-соседи упоминались и в художественной литературе: например, в романе Федора Ветина «Город — будет!» (1953), где герой прибывает в послевоенный Прибалтийск (Калининград). Одно из первых впечатлений — старинная крепость: «Перед массивными стенами — два памятника. У „железного канцлера“ — Бисмарка осколком разворочена щека, у Вильгельма перебита рука, вытянутая на восток» [3, с. 7]. Эта пара запечатлелась и в воспоминаниях первых переселенцев. Даже спустя годы, когда монументы уже исчезли, их характерные образы сохранялись в коллективной памяти. Например, в повести Петра Воробьева «Околomorье мое» (1971) в описании разрушенного войной города, куда прибывают советские переселенцы, доминировали такие образы: «Битый кирпич на мостовой, продырявленные, погнутые фонарные столбы... выщербленная облицовка речных берегов, бронзовый Бисмарк с пробитой щекой — все это действовало угнетающе и в то же время будило любопытство» [4, с. 12].

К сожалению, наши источники пока далеко не каждый раз позволяют проследить судьбу довоенных памятников, но, вероятно,

инициатива по их разрушению не всегда принадлежала властям. Характерна судьба бронзовой конной статуи Фридриха Вильгельма III: 15 июля 1950 г. группа сборщиков металлолома, заручившись согласием председателя Ленинградского райисполкома И. М. Краснова, сбросила статую с постамента. Третьего августа 1950 г. горисполком принял решение «Об охране разобранного бронзового памятника, стоявшего на Университетской площади Ленинградского района», в котором осудил самовольные действия Краснова и нарушение существующего порядка охраны памятников. Заведующему городским коммунальным отделом было поручено обеспечить сохранность остатков статуи [46], однако, по всей видимости, решение это исполнено не было. Пьедестал памятника — немой свидетель ушедшего в небытие культурного ландшафта — стоял пустым в центре сквера около бывшего университетского здания до конца 1960-х гг., пока не был демонтирован [28, с. 173].

Вероятно, политика властей на местном уровне по отношению к наследию была противоречивой. В отсутствие внятных инструкций должностные лица вели себя непоследовательно, а настроения советских граждан, очевидно, редко благоприятствовали выживанию монументальной скульптуры. Вкупе эти обстоятельства привели большинство немецких памятников к печальному финалу.

Кочующие вожди. В то же время с первых лет присутствия советских людей в Калининградской области все острее ощущалась необходимость в замещении символических для города фигур на новые, хорошо знакомые переселенцам. История памятников советским вождям в Калининграде отражает перипетии советской официальной политики — от позднего культа личности к десталинизации, которая подготовила в конечном счете крах идеологии социализма в период перестройки. В течение 1950-х гг. на карте Калининграда появилось три памятника конкретным советским руководителям¹.

¹ По решению горисполкома от 15 декабря 1949 г. в 1950 г. в сквере на ул. Дмитрия Донского, напротив облисполкома и обкома ВКП(б), была установлена «групповая скульптура Ленина и Сталина», которую в начале 1960-х гг. перевезли в Светлогорск [36, с. 7].

Мотивы возведения памятника **И. В. Сталину** (1879–1953) охарактеризовал немецкий историк П. Бродерзен: этот акт, с одной стороны, должен был подчеркнуть статус области среди советских регионов, с другой — личную «связь» между вождем и новым советским краем («план Сталина») [49, S. 192]. С конца 1940-х гг. был подготовлен ряд проектов, среди которых фигурировал один очень амбициозный — архитектора Михайловского: центральная аллея парка около церкви памяти королевы Луизы вела к обширной поляне, где должна была возвышаться гигантская фигура Сталина, вокруг которой «ковры живых цветов» воспроизводили бы портреты соратников вождя [31, с. 35–36].

Весной 1951 г. руководители обкома и облисполкома обратились к председателю Госснаба СССР Л. М. Кагановичу с просьбой выделить 5,5 т бронзы «для отливки фигуры товарища Сталина» или разрешить использовать бронзу «от скульптурных фигур, подлежащих переплавке» в Калининграде [36, с. 11]. Полным ходом шло благоустройство площади Победы, скульптуру вождя предполагалось установить к 7 ноября 1951 г. Дело, однако, затянулось. Облисполком лишь 21 ноября 1951 г. принял решение о сооружении памятника Сталину [36, с. 12]; в ноябре 1952 г. скульптуру отлили на Ленинградском заводе «Монумент-скульптура». Тем временем Сталин умер, а памятника все не было. Новое обращение руководителей обкома и облисполкома было адресовано председателю Совета министров СССР Г. М. Маленкову: 23 марта 1953 г. они просили разрешить установку скульптуры на 8-метровом постаменте из серого гранита на площади Победы к 1 мая [36, с. 12].

По всей видимости, согласие было получено достаточно быстро — памятник Сталину (скульптор Е. В. Вучетич) наконец появился на площади Победы 29 апреля 1953 г. (рис. 1). В репортаже на первой полосе областной газеты «Калининградская правда» подчеркивалось: «С именем Сталина связано и образование нашей Калининградской области. Именем Сталина калининградцы назвали программу хозяйственного и культурного строительства своего края. На каждом шагу мы ощущали отеческую заботу Иосифа Виссарионо-



Рис. 1. Памятник Сталину на площади Победы в Калининграде.

Источник: <https://forum-kenig.ru/>

вича. Благодаря его постоянному вниманию на опустошенной огнем исконно славянской земле расцвела радостная, счастливая жизнь» [37] (П. Бродерзен дает ошибочную ссылку [49, S. 318]).

Торжественный митинг открыл председатель облисполкома З. Ф. Слайковский, предоставивший слово первому секретарю обкома КПСС В. Е. Чернышеву [37]. После ритуальных слов партийного руководителя о грядущей победе коммунизма и сопутствовавших им бурных аплодисментов выступили токарь механического завода В. Е. Тимофеев, председатель колхоза В. М. Быданов, завкафедрой пединститута Г. А. Ткачева: *сценарии власти* предполагали представительство всех основных классов советского общества. Секретарь горкома КПСС С. А. Бровкин в заключительной речи подчеркнул: «Все, что мы сделали здесь, на этой исконно славянской

земле, возрожденной из руин и пепла,— все это сделано по плану товарища Сталина» [37]. В конце митинга его участники приняли приветственное письмо в адрес ЦК КПСС и Совета министров СССР.

Все, что происходило с памятником далее, осталось за рамками публикаций в периодической печати того времени. Прежде всего его художественная ценность вызвала сомнения на самом вершине пирамиды власти: в записке отдела науки и культуры ЦК КПСС, подготовленной для Н. С. Хрущева 26 мая 1953 г., критике подвергались скульпторы, которые занимались тиражированием одних и тех же памятников, получая при этом полноценную оплату. Среди типичных примеров этой «порочной практики» указывался памятник Сталину в Калининграде — уменьшенная копия аналогичного монумента на Волго-Донском канале [2, с. 98].

Однако в конечном счете судьба памятника была predeterminedлена не эстетическими, а политическими факторами. После XX съезда КПСС перенос монумента был неизбежен. Решение принималось партийными органами с опорой на «мнение общественности» [49, S. 192–193]. Сначала, в ноябре 1958 г., его переместили с площади Победы на несколько десятков метров к юго-востоку — в сквер в начале ул. Житомирской (сейчас Ленинский проспект)¹. Работа шла ночью силами бригады монтажников. В процессе транспортировки статую уронили и раскололи, так что пришлось в спешном порядке восстанавливать ее [19, с. 262–263]. Постамент освобождали для памятника другому вождю — В. И. Ленину. Как позднее писал мемуарист, «митинга по этому поводу не организовывалось. Вроде бы он всегда там стоял» [19, с. 263]. Через несколько лет, в 1962 г. [49, S. 193], статуя Сталина была снята и с этого места, после чего ее отдали «городским трамвайщикам, испытывавшим острейший дефицит в бронзовых втулках колесных пар» [19, с. 263].

¹ Перемещение памятника Сталину и установка на его месте памятника Ленину были оформлены решением бюро обкома КПСС от 16 августа 1958 г. В постановлении отмечено, что оно принято в соответствии с пожеланиями «общественных организаций и трудящихся гор. Калининграда» [36, с. 14]. На основе этого постановления было вынесено решение горисполкома от 10 октября 1958 г. [36, с. 16].

Больше десятилетия в центре города возвышался пустой постамент, что горожане находили или забавным, или возмутительным. Немецкий историк Б. Хоппе цитирует письмо участника штурма Кёнигсберга, который жаловался на то, что памятники Великой Отечественной войны находятся далеко от центра, тогда как в хорошем месте стоит постамент без всякой скульптуры (письмо 1967 г. [51, S. 122]). Официальная политика памяти воспроизвела в отношении советского памятника те же подходы, которые чуть раньше были признаны приемлемыми в отношении объектов немецкого наследия и которые, как это ни парадоксально, демонстрировали континуитет с нацистской *Erinnerungspolitik*. Лишь в 1974 г. вакантное после исчезновения Сталина место занял монумент «Мать-Россия» (см. ниже)².

На месте статуи Сталина на площади Победы 4 ноября 1958 г. был торжественно открыт памятник **В. И. Ленину** (1870–1924; скульптор В. Б. Топуридзе). Изначально он предназначался для пос. Отрадного под курортным Светлогорском, и П. Бродерзен иронизирует над тем, что копия памятника Сталину на Волго-Донском канале была заменена памятником из поселка на Балтийском море [49, S. 193].

Митинг начался в 17 часов, первым выступил председатель горисполкома Н. Ф. Коровкин. После возложения цветов к постаменту речь держал секретарь обкома КПСС Н. С. Коновалов, затем говорили токарь вагоностроительного завода Н. В. Коваценок, врач городской больницы А. И. Расщупкина, офицер В. Д. Сабанев, секретарь горкома КПСС М. Т. Кудикин. В речах соединялись отсылки к революционному прошлому советского народа и к светлому будущему (в преддверии 41-й годовщины революции и XXI съезда партии) [41, с. 203–205]. Газетный репортаж завершился торжественно: «До позднего ве-

² Хотя 23 января 1962 г. было принято распоряжение облисполкома об исключении памятника Сталину из списка памятников, подлежащих государственной охране [36, с. 15], в 2012 г. внезапно выяснилось, что в перечне объектов культурного наследия на месте монумента «Мать-Россия» по-прежнему числится памятник Сталину. Прокуратура потребовала устранить недопонимание, однако региональные власти выразили обеспокоенность тем обстоятельством, что документы о демонтаже монумента не сохранились [34].

чера не расходились калининградцы с площади Победы».

Памятник В.И. Ленину пережил советский строй и стоял на главной площади города до декабря 2004 г., когда в ходе ее реконструкции (и освящения Кафедрального собора Христа Спасителя, который выступал фоном для монумента) был отправлен на реставрацию. Обновленный монумент торжественно открыли в конце Ленинского проспекта, перед зданием Дома искусств, 22 апреля 2007 г. (рис. 2).

Последним в этом ряду ключевых образов советской истории стал памятник **М.И. Калинину** (1875–1946; скульптор Б. В. Едунов, архитектор А. В. Гуляев). Изначально, похоже, понимание памятника Калинину было метафорическим. В ходе разработки генерального плана реконструкции Калининграда еще в 1949 г. предполагалось, что в центре города будет возведен Дворец Советов (или на месте Кёнигсбергского замка, или в районе современной площади Победы). Архитектор М. Р. Наумов излагал замысел так: «Огромное здание Дворца Советов мыслится как памятник великому деятелю коммунистической партии и советского государства — Михаилу Ивановичу Калинину. Дворец должен быть увенчан высокой, видной издали башней-маяком, которая подчеркнет характер Калининграда — город-порт» [26].

Тем не менее вскоре на повестку дня был поставлен вопрос о возведении традиционного памятника человеку, чьим именем назван город. Начиная с 1949 г. областные власти, ссылаясь на указы трудящихся, запрашивали финансирование у Москвы. По всей видимости, они даже попытались форсировать события: 7 апреля 1951 г., в пятую годовщину основания области, на площади перед Южным вокзалом состоялся митинг. Его открыл председатель горисполкома В. Е. Павлов, который передал слово первому секретарю обкома ВКП(б) В. В. Щербакову. Последний рассказал «о тех разительных переменах,



Рис. 2. Памятник Ленину в Калининграде, 2020 г.
Фото А. А. Матвеева

что произошли в Калининградской области за пять лет ее существования, о славных делах калининградцев, которые при повседневной помощи партии, правительства и лично товарища Сталина возродили к жизни этот край» [23]. На митинге выступали представители разных слоев советского общества: директор вагоностроительного завода, рабочий целлюлозно-бумажного комбината, учительница, инженер... На месте будущего монумента появился гранитный обелиск с надписью: «Здесь будет сооружен памятник одному из активнейших строителей и виднейших руководителей большевистской партии и советского государства — Михаилу Ивановичу КАЛИНИНУ» [23].

Только к 1952 г. просьбы возымели действие: Совет министров РСФСР поручил Госплану профинансировать проект [31, с. 36]. Однако реализация этой инициативы затянулась еще на несколько лет — партийные руководители неоднократно выражали свое возмущение задержкой. Свет в конце туннеля забрезжил 19 октября 1956 г., когда проект монумента был утвержден облисполкомом. Республиканский бюджет выделил полмиллиона рублей, и памятник должен был появиться в третьем квартале 1957 г. [49, S. 194–195]. Тем не менее пришлось ждать еще два года, в течение которых областная газета даже публиковала письма возмущенных чи-

тателей, а партийные руководители продолжали взывать к вышестоящим инстанциям.

Наконец долгожданное событие произошло — через год после открытия памятника Ленину, 5 декабря 1959 г. Митинг вновь открыл Н. Ф. Коровкин, передавший слово первому секретарю обкома Ф. В. Маркову, затем выступали представители рабочих, студентка пединститута; к подножию памятника были возложены венки [41, с. 211–213; 19, с. 250–252]. Скульптор Б. В. Едунов прокомментировал замысел оформления пьедестала — пятнадцатигранника из полированного украинского красного гранита, на котором были высечены 15 флагов союзных республик (рис. 3). Так символически была подчеркнута связь молодой области со всей страной.

В репортажах об открытии памятников Ленину и Калинину упоминалось, что митинги прошли вопреки непогоде (в ноябре 1958 г. шел дождь, декабрьский день 1959 г. был морозным). Теоретически эти церемонии можно было бы организовать в апреле (день рождения Ленина) или в июле (день смерти Калинина), но, вероятно, пафос преодоления трудностей должен был придать убедительность всей идеологической программе.

Американский историк Д. К. Бриджес вписывает возведение большой тройки памятников советским лидерам в контекст оттепели. Политика при Н. С. Хрущеве была направлена на стимулирование гражданской ответственности и гордости за свою страну (как эти задачи понимало партийное руководство). Местные власти столкнулись с необходимостью пробуждать советский патриотизм, создавать новую региональную символику, в том числе путем увековечения памяти о знаковых для страны и города деятелях. При этом сохранение немногочисленных существующих



Рис. 3. Памятник Калинин в Калининграде, 2020 г.
Фото А. А. Матвеева

памятников (см. об этом ниже) было дополнительным бонусом, не требовавшим значительных затрат в период, когда все усилия были направлены на развитие жилищного строительства [48, р. 254–255]. П. Бродерзен также предлагает учитывать контекст десталинизации: Калинин, по замыслу руководителей, должен был стать альтернативной фигурой для самоидентификации калининградцев [49, S. 195].

Помимо практики демонтажа памятников континуитет между двумя режимами символически подчеркивался и еще одним обстоятельством, которое, впрочем, едва ли осознавалось тогдашними руководителями. Среди калининградцев ходили слухи о том, что статуя И. В. Сталина была отлита из бронзы демонтированных немецких памятников [19, с. 245]. Первые переселенцы также слышали о том, будто исчезнувшие памятники Бисмарку и Вильгельму «на Ленина переплавили» [5, с. 166]. Косвенно версию о переплавке подтверждают стихи молодого калининградского поэта Юрия Андрущенко, опубликованные в 1951 г.: «Здесь мрачная крепость / Кирпичным плечом / Небо, казалось, / Держала. / Здесь миру грозил / Обнаженным мечом / Надменный король / С пьедестала. / Но сброшены нами / На сплав короли. / Советский мы строим здесь город, / Советские / В море

идут корабли / И мирные песни — над морем» [1]. Даже если на самом деле прямого использования материала не было, аналогия между сброшенными с пьедесталов «надменным королем» и «отцом народов» должна была запрашиваться сама собой.

Причудливой оказалась судьба поста-мента из-под статуи Сталина: 5 ноября 1974 г. на нем был установлен монумент «**Мать-Россия**» (скульптор Б. В. Едунов) — пятиметровое изваяние женщины в русском национальном костюме (рис. 4). В газетном репортаже, разумеется, факт более чем десятилетней пустоты в центре города замалчивался. Сообщалось лишь, что «двадцать восемь лет назад на этой опаленной войной земле была образована наша самая западная область Российской Федерации. И Россия, как добрая, заботливая мать, помогла встать ей на ноги, построить прекрасный город — Калининград» [6]. На митинге при открытии монумента выступили первый секретарь горкома КПСС Д. В. Романин, рабочий машиностроительного завода М. Г. Купцов, писатель А. П. Соболев, контр-адмирал Н. И. Шабликов, зам. секретаря комсомольской организации технического института Л. И. Морозова [6].

Вокруг этого памятника также разгорелись административные страсти. Инициатива

по его установке принадлежала горисполкому, который, очевидно, был обеспокоен многолетним присутствием фигуры умолчания — мраморного постамента без скульптуры — в самом центре города. Порядок предусматривал получение разрешения на сооружение монументов от Совета министров РСФСР, в данном же случае такое разрешение не запрашивалось. В связи с этим Министерство культуры РСФСР в феврале 1975 г. потребовало от облисполкома разъяснения причин нарушения установленного порядка; в ответном письме областные власти сообщали, что проект известного скульптора был одобрен художественным советом Калининградской областной организации Союза художников РСФСР, при этом подчеркивался тот факт, что постамент, на котором установили «Мать-Россию», пустовал (ошибочно указывалось, что с 1956 г.) [10, л. 41–43]. Любопытно, что памятник представлял собой единственный женский образ в монументальной галерее советского Калининграда, причем образ обобщенный. Это обстоятельство также позволяет говорить о континуитете между до- и послевоенными коммеморативными практиками, носившими подчеркнuto патриархатный характер.

В 1976 г. был разработан план монументальной пропаганды для областного центра. Его одобрила архитектурно-художественная секция градостроительного совета, затем управление культуры облисполкома. В план на 1977–1980 гг. был включен ряд гражданских памятников — В. И. Ленину (на Центральной площади), пионерам океанического лова (на набережной Преголи), Э. Тельману (в сквере на ул. Тельмана). Как секция, так и управление культуры признали нецелесообразным



Рис. 4. Монумент «Мать-Россия» в Калининграде, 2020 г.
Фото А. А. Матвеева

возведение памятников К. Либкнехту (на просп. Мира), Кирхгору (!) (на Центральном острове; имелся в виду кёнигсбергский физик Г. Р. Кирхгоф (1824–1887)), Н. А. Некрасову (на ул. Некрасова), Л. Н. Толстому (на углу просп. Калинина и ул. Дзержинского), Ф. Энгельсу (на ул. Энгельса), М. Горькому (на ул. Горького), А. П. Гайдари (на ул. Гайдара) [10, л. 136–137]. Мотивировки этого решения не приводилось.

В период позднего застоя наблюдалась осторожная смена «мемориальной риторики» — от чистой идеологичности и доминирования военных мемориалов к коммеморации трудовых подвигов калининградцев: в 1978 г. появился памятный знак рыбакам — пионерам океанического лова (скульптор И. М. Гершбург), в 1980 г. — памятник, посвященный землякам-космонавтам — А. А. Леонову, В. И. Пацаеву и Ю. В. Романенко (скульптор Б. В. Едунов) (рис. 5). Советские лидеры, пережившие Сталина, уже никогда не удостоивались чести быть увековеченными в городском пространстве. Единственным представителем идеологизированной скульптуры начала 1980-х гг. стал бюст Павлика Морозова на одноименной улице (1981, скульптор М. С. Постнова).

Особенностью советской монументальной скульптуры гражданского характера было бесспорное доминирование образов политических деятелей советского време-

ни при отсутствии памятников российским правителям дореволюционной эпохи (такие памятники появились в постсоветский период — от Александра Невского до Петра I¹). Перестройка и последовавший за ней крах социализма сорвали ряд новых проектов. Так, по воспоминаниям председателя горисполкома В. В. Денисова, после сооружения Дома Советов на Центральной площади предполагалось водрузить скульптурную группу — представителей сельского и городского пролетариата, беседующих с В. И. Лениным [19, с. 269]. 5 августа 1977 г. по просьбе Калининградского обкома КПСС и облисполкома ЦК КПСС Совет министров СССР принял постановление о сооружении памятника В. И. Ленину в Калининграде, на вновь создаваемой центральной площади города [36, с. 19]. Авторами были назначены московские специалисты — скульптор Н. А. Лавинский и архитектор М. Ф. Марковский, однако они приступили к работе лишь в 1979 г., и то только на словах [11, л. 23–24]. Несмотря на обеспокоенность городских и областных властей, проект так и не был реализован, а после 1991 г. эти планы и вовсе сошли на нет.

Мягкая «германизация» по-советски.

Между тем наряду с монументами в честь партийных руководителей в городском пространстве сохранялись и появлялись памятники немцам. Так, в начале 1960-х гг. Калининград получил памятник основоположнику марксизма. Бюст **Карла Маркса** (1818–1883, скульптор Б. В. Едунов) был установлен 24 апреля 1961 г. на одноименной улице (рис. 6). Митинг по этому поводу открыл первый секретарь Центрального райкома КПСС Т. С. Заика, затем выступили гости — большевик с 1919 г. С. З. Господарев, секретарь райкома ВЛКСМ Ю. Н. Кувакин, рабочий В. Л. Швеци и завкафедрой пединститута



Рис. 5. Памятный знак землякам-космонавтам в Калининграде, 2020 г. Фото А. А. Матвеева

¹ Правда, областной отдел культуры включил установку мемориальной доски на месте пребывания Петра I в Кёнигсберге в план на 1951 г. [31, с. 37].

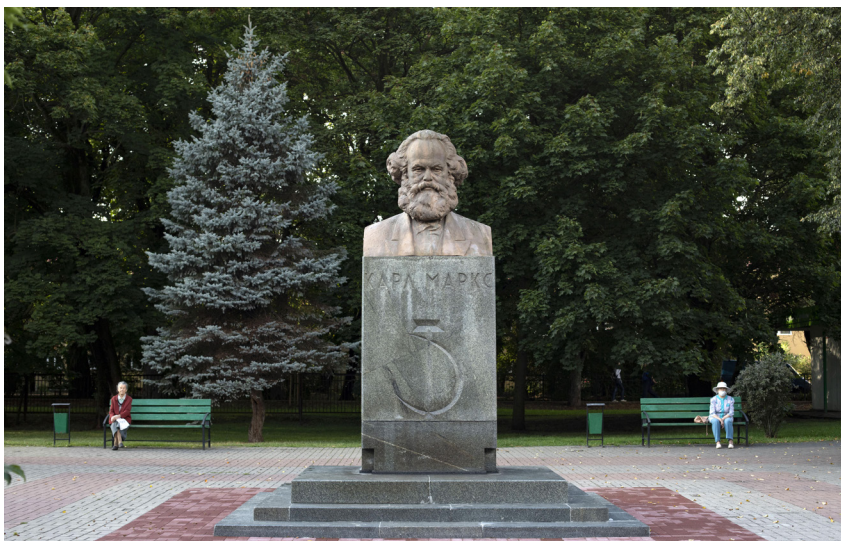


Рис. 6. Памятник Карлу Марксу в Калининграде, 2020 г.
Фото А. А. Матвеева

И. С. Горичев [41, с. 221–222]. В отличие от монументальных фигур советских вождей бюст Маркса выглядел заметно более скромным, и уровень представительства на митинге был всего лишь районным.

Маркс никогда не посещал Восточную Пруссию, и этот акт коммеморации подчеркивал *типичность* Калининграда как советского города. Однако атмосфера оттепели ввела партийное руководство Калининградской области в состояние, близкое к шизофреническому: необходимо было последовательно проводить одобренную ранее линию по «изгнанию прусского духа» и в то же время, принимая во внимание политические перемены, выстраивать нарратив о довоенном прошлом. П. Бродерзен назвал это «балансированием между узким и широким пониманием Калининграда» [49, S. 150], когда символы, достойные коммеморации, пытались найти не только в советской иконографии, но и в реалиях Кёнигсберга. Самой подходящей фигурой на эту роль оказался лидер немецких коммунистов и деятель международного рабочего движения Эрнст Тельман (1886–1944), который, как в 1967 г. написала областная газета, «никогда не умирал» и продолжал жить в сознании Калининграда как советского города [цит. по: 49, S. 150]. В 1956 г. на ул. Тельмана по решению обкома был установлен «декоративный бюст» Э. Тельмана (скульптор О. Н. Аврамченко), тогда же на него было оформлено

охранное обязательство [16, л. 31–31 об.] (рис. 7)¹. Бетонный бюст на постаменте из-под памятника Канту был сооружен по решению «руководителей Ленинградского района» без согласования с городским отделом архитектуры, за что в августе 1956 г. инициаторы установки подверглись критике со стороны бюро горкома КПСС [9, л. 157].

Тем не менее бюст существовал некоторое время. Советские коммеморативные практики предполагали вовлечение масс горожан в процесс актуализации памяти об исторических деятелях. Так, в октя-

бре 1969 г. сотрудники краеведческого музея и Калининградского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры организовали праздник — День улицы Э. Тельмана. В ходе торжественной линейки пионеры и комсомольцы рассказали об истории и международной дружбе. Зрителям был предложен «театрализованный монтаж», выступали пенсионеры, церемонию завершило возло-



Рис. 7. Бюст Тельмана в Калининграде, после 1956 г.
Государственный архив Калининградской области

¹ Партийная периодика свидетельствует и о других попытках найти опору в довоенной истории – в 1957 г. была высказана инициатива увековечить память о молодых немецких коммунистах Кёнигсберга, а также о немецких социал-демократах, против которых в 1904 г. шел судебный процесс по обвинению в содействии транспортировке ленинской «Искры» [49, S. 150].

жение венков и цветов к памятнику Тельману [13, л. 15]. Состояние памятника, вероятно, постепенно ухудшалось, потому что областное отделение ВООПИК запланировало на 1970–1972 гг. его реставрацию [14, л. 12].

Однако реставрация не потребовалась. 16 декабря 1974 г., отвечая на обращение местных властей, Совет министров РСФСР выпустил распоряжение о сооружении памятника Тельману; новым бюст, авторами которого стали скульптор Б. В. Едунов и архитектор М. Д. Насекин, был принят облисполкомом 9 декабря 1976 г. [12, л. 195]. Судьба творения О. Н. Аврамченко неизвестна. 3 января 1977 г. на улице Тельмана на новом постаменте был установлен новый памятник «мужественному коммунисту» [39], который стоит на этом месте по сей день (рис. 8). В воспоминаниях бывшего председателя горисполкома В. В. Денисова приведены слова секретаря обкома КПСС Н. С. Коновалова, который на встрече в Москве показывал руководителю ГДР В. Ульбрихту «специально изготовленный альбом со снимками этого памятника... Как будто... в Германии вообще не было памятника вождю ее пролетариата. Наш пример зарядил немецкую сторону поправить положение. Так ли это? Неизвестно» [19, с. 256]. В этом сюжете многое непонятно. Коновалов не мог демонстрировать Ульбрихту фотографии бюста, изготовленного Б. В. Едуновым, потому что первый

секретарь ЦК СЕПГ умер еще в 1973 г. Если речь шла о первом бюсте, то все равно трудно датировать этот разговор: в 1956–1961 гг. Коновалов был вторым секретарем обкома (с 1961 г. — первым секретарем), и маловероятно, чтобы такая встреча прошла в тот период. Кроме того, в ГДР было как минимум два памятника Тельману — в Веймаре (1958) и Штральзунде (1962). Как бы то ни было, такая легенда, возможно, отражает амбициозное стремление руководителей советского Калининграда оказаться на передовой в «боях за историю».

Советская традиция предполагала увековечение памяти не только о политических лидерах, но и о выдающихся деятелях культуры. Таких памятников в Кёнигсберге было заметно меньше, и они также оказались по большей части утрачены либо во время войны, либо после нее, как, например, памятник Иммануилу Канту (1724–1804; 1864). Обстоятельства этих потерь долгое время оставались неизвестными. Так, журналист «Известий» в 1960 г. сокрушался, что «фашисты отправили в тайники и немало ценностей, принадлежащих немецкому народу», в числе которых называлась «статуя, снятая с памятника Иммануилу Канту» [47]. Лишь после того, как в конце перестройки были сняты ограничения на приезд иностранцев в Калининград, выяснилось, что памятник был спрятан графиней Марион фон Дёнхофф (1909–2002), которая была противницей национал-социалистического режима. Найти скульптуру, к сожалению, никому не удалось.

Корреспондент центральной газеты несколько идеализировал ситуацию с памятниками, утверждая, что «советские люди с огромным уважением, с величайшей бережностью относятся к произведениям и памятникам немецкой культуры» [47].



Рис. 8. Бюст Тельмана в Калининграде, 2020 г. Фото А. А. Матвеева

Если исчезновение памятника Канту действительно нельзя поставить в вину новым жителям, то пропажа обелиска, посвященного австрийскому композитору Францу Шуберту (1797–1828; 1928), все же произошла уже в послевоенный период. Одна из первых переселенок вспоминала, как наткнулась в 1948 г. на этот памятник в парке: «Стояли офицеры, спорили: композитору или нет? Позже в „Калининградском комсомольце“ написали, что это памятник не композитору, а какому-то местному меценату. И памятник исчез. А сейчас выяснилось, что он все-таки был композитору» [5, с. 165]. На конец 1950-х гг. «памятник-обелиск австрийскому композитору Шуберту Францу» стоял на учете как памятник архитектуры: охранное обязательство в 1957 г. закрепляло ответственность за его содержание за Центральным парком культуры и отдыха [18, л. 18]; объект наследия числился еще в 1961 г. [17, л. 13–14], но позднее был утрачен при невыясненных обстоятельствах.

Счастливыми исключениями стали два памятника литераторам. Этому, как доказывает Ю. В. Костяшов, способствовали перемены в политике по отношению к наследию в период оттепели. В списке охраняемых памятников 1955 г. наряду с археологическими объектами и воинскими захоронениями появилась новая категория — «памятники искусства». К ней наряду с монументом Сталину были отнесены могила Канта и два памятника писателям [31, с. 39–40]¹. Первый — гранитная статуя средневекового миннезингера Вальтера фон дер Фогельвейде (ум. после 1228; 1930), установленная на территории Кёнигсбергского зоопарка. После войны памятник оставался в зоопарке. В 1954 г. на него был составлен паспорт, наименование памятника при этом воспроизводилось в документах так: «Вальтер Фон Дер Фогельвейде /1170–1230/ выдающийся

поэт-Миннезингер (sic!)» [15, л. 24]. Составитель справки утверждал, что Фогельвейде — «выдающийся поэт средних веков». Он также намекал на то, что миннезингер был практически *народным* поэтом: «Происходил из бедной рыцарской семьи, жил дарами знатных покровителей» [15, л. 24–24 об.]. Памятник был обследован в 1953 г., состояние признано хорошим, охранное обязательство выписано на администрацию зоопарка. После мытарств по разным местам в городе в 2016 г. памятник Фогельвейде вернулся на территорию зоопарка.

Второй казус заслуживает особого внимания.

Шиллер: любовь без коварства. Как и в Кёнигсберге, в Калининграде деятели культуры удостоивались чести быть увековеченными во вторую очередь — после политиков. При этом памятники некоторым представителям отечественной культуры либо появились после 1991 г. (как, например, бюст А. С. Пушкина), либо не появились до сих пор (нет, скажем, памятников Ф. М. Достоевскому, Л. Н. Толстому или П. И. Чайковскому). Трудно объяснить мотивы, по которым власти оставались индифферентными по отношению к задаче наполнения мемориального ландшафта образами великих представителей русской культуры. Насколько позволяют судить источники, даже редкие решения, которые принимались на одном уровне, торпедировались на следующем. Так, около 1980 г. горисполком принял решение о переименовании улицы Каменной в улицу им. В. М. Шукшина с последующей установкой в сквере на пересечении с ул. С. Разина бюста писателя², однако облисполком это решение отменил [19, с. 37–40].

Как ни парадоксально, получилось, что мировая культура на протяжении всего советского периода была представлена единственным заметным в городском пространстве памятником — фигурой Фридриха Шиллера (1759–1805) (рис. 9). Бронзовая скульптура работы С. Кауэра была установлена перед городским театром в 1910 г., а затем, в 1936 г., перенесена в сквер напротив драматическо-

¹ После постановления облисполкома 22 октября 1956 г. областной бюджет стал выделять средства на реставрацию немецких памятников, включая три оставшиеся на тот момент скульптуры деятелей культуры — Фогельвейде, Шиллера и Шуберта [31, с. 41, 305]. В газетном материале, комментировавшем постановление, упоминались важнейшие памятники, в том числе Ленину, Сталину и «великому немецкому писателю Фридриху Шиллеру» [42].

² На этом месте в 2010 г. был установлен бюст польского композитора Ф. Шопена.

го театра [28, с. 174]. Следует отметить, что Шиллер считался вполне благонадежным автором в период «Третьего рейха»: в июле 1944 г., то есть, по сути, в канун прихода Красной армии на границы Восточной Пруссии, спектакль «Мария Стюарт» по трагедии Шиллера был поставлен Новым драматическим театром в рамках празднования 400-летия Кёнигсбергского университета [28, с. 313].

Памятник пострадал во время боевых действий — был изрешечен снарядами, что породило на рубеже 1940–1950-х гг. шутку о Шиллере: «...единственным непьющим горожанином является он, и то по той причине, что горло пробито насквозь» [19, с. 238] (ту же шутку вспоминали первые переселенцы [5, с. 165]). Со временем городские власти привели памятник в достойный вид, чему способствовало вышеупомянутое решение облисполкома 1956 г.

Шиллер с самого начала, по всей видимости, воспринимался властями как идеологически безупречный автор. Советские издания немецкого классика были доступны в библиотеках, его произведения входили в курс зарубежной литературы в пединституте (университете с 1967 г.), а драматические к тому же ставились на калининградской сцене. Первоначально Шиллер даже рассматривался как компромиссная фигура в процессе удовлетворения культурных потребностей немецкого населения, остававшегося после войны в области. Новость о том, что драмкружок клуба рабочих Неманского целлюлозно-бумажного комбината ставит «Коварство и любовь» Шиллера, была опубликована в октябре 1947 г. в газете «Новое время», издававшейся специально для немецкого населения Калининградской области [53, S. 2].



Рис. 9. Памятник Шиллеру в Калининграде, 2020 г.
Фото А. А. Матвеева

С начала 1950-х гг. постановки Шиллера шли и на сцене областного драматического театра: «Коварство и любовь» (реж. И.И. Прохонов, 1952), «Мария Стюарт» (Б.А. Свицунов, 1954; В.С. Подольский, 1974), «Дон Карлос» (Ю.А. Калантаров, 1979) [28, с. 349, 350, 355, 358].

Как упоминалось ранее, советские коммеморативные практики предполагали наряду с возведением статичных монументов организацию массовых мероприятий. Эта традиция, утраченная в постсоветский период, не обошла стороной и Шиллера. К 150-летию со дня его смерти, 8 мая 1955 г., был организован митинг. В газетном репортаже рассказывалось: «Рабочие, студенты, служащие и школьники — люди различных профессий и возрастов пришли сюда, чтобы почтить память великого поэта и драматурга» [38]. После возложения венков к подножию монумента звучали речи. В частности, Р.А. Закруткин, преподаватель пединститута, говорил о «свободолюбивых идеях» Шиллера, о его желании видеть родину свободной и независимой.

Накануне двухсотлетия поэта, 9 ноября 1959 г., у памятника также прошел митинг, «посвященный памяти гениального певца свободы и человеколюбия» [27]. Митинг открыл начальник областного управления

культуры М. С. Шумихин, далее выступили декан историко-филологического факультета пединститута П. В. Снесаревский, режиссер областного драмтеатра М. Д. Рахманов, студентка пединститута Л. Иссова. Речь Снесаревского не была лишена двусмысленности — он говорил о том, что при жизни Шиллера «величайшим бедствием германского народа была его разобщенность. Именно тогда устами своего героя Вильгельма Телля он воскликнул: „Один народ и воля в нем одна“. Как созвучны эти слова великого поэта лозунгу, который выдвинут сейчас правительством Германской Демократической Республики: „Немцы — за один стол!“» [27].

В подборке материалов к юбилею Шиллера публиковался и небольшой очерк, в котором излагалась популярная городская легенда: «В период штурма Кёнигсберга неизвестный советский солдат увидел памятник великому немецкому поэту. Статуя уже во многих местах была прострелена, повреждена осколками снарядов. Солдат торопился, у него не было времени, он продвигался вперед. А кругом шел бой, рвались снаряды, свистели пули. В этой обстановке для того, чтобы кто-нибудь в пылу боя не спутал Шиллера с кем-либо из фашистских вельможей, солдат взял мел и начертал на пьедестале русскими буквами: „Шиллер — памятник мировой культуры!“» [21] (о том же — [5, с. 165]). В некоторых изводах легенды подчеркивалось, что надпись сделал «неизвестный русский солдат» [35, с. 95]). Формулировка также различалась: в автобиографической повести Юрия Иванова (1973), посвященной событиям конца войны в Кёнигсберге, излагалась иная версия: «На памятнике Шиллеру уже кто-то написал белыми: „Не трогать. Свой!“, и майор сказал Валере, что эту надпись сделали его ребята-разведчики» [24, с. 3]. Есть и другие варианты этой городской легенды, которые касаются или формулировки надписи («Не стрелять!

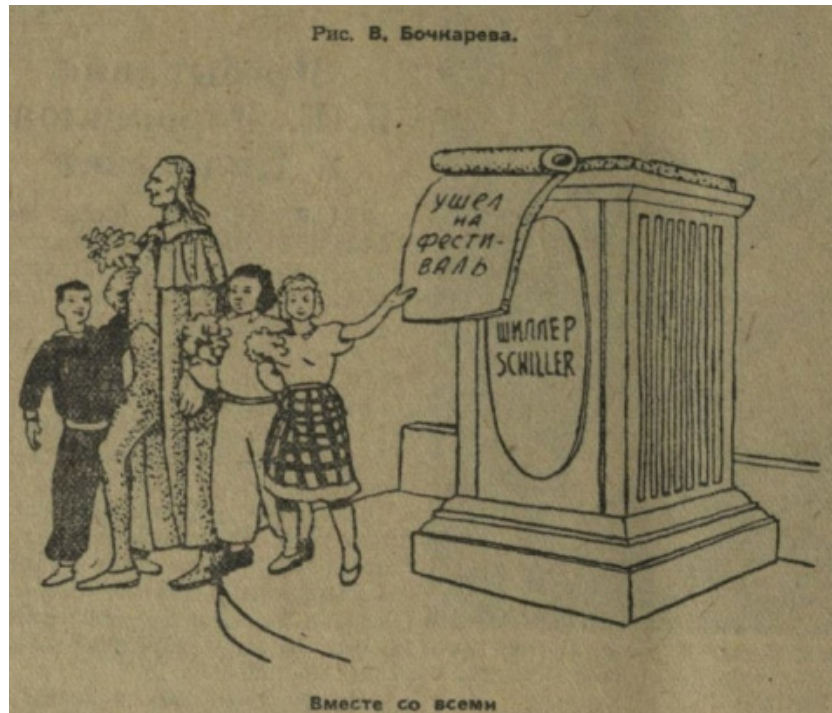


Рис. 10. В. Бочкарев. *Вместе со всеми.* Калининградская правда. 1957. 18 мая

Немецкий Пушкин»), или самого сюжета: советский офицер предотвратил уничтожение памятника, рассказав военным сюжет драмы Шиллера «Разбойники» [50, с. 63].

Как бы то ни было, значим сам факт настойчивого воспроизведения легенды в разных публикациях на протяжении десятилетий: в отличие от памятников советским вождям, чьи образы оставались для калининградцев далекими, памятник немцу Шиллеру воспринимался как близкий, примиряющий с немецким прошлым города, помогающий адаптироваться к сложному культурному ландшафту. П. Бродерзен подчеркивал значение Шиллера наряду с Кантом в иконографии Калининграда [49, S. 167–168], в его книге воспроизведена и карикатура, отражающая слегка фамильярное отношение калининградцев к любимому памятнику (рис. 10).

Тем не менее Шиллер был немцем, и авторы публикаций, в которых упоминался памятник, обычно обходили стороной вопрос о его довоенной истории и, например, об обстоятельствах установки. Исключение составил один из путеводителей для автотуристов (1981), где описание памятника Шиллеру сопровождалось изложением уже знакомой ле-

генды об «охранной грамоте» времен войны, а также указанием на то, что памятник был воздвигнут в 1910 г. «по инициативе благодарных почитателей поэта-гуманиста» [33, с. 84]. В остальном довоенная история памятника оставалась для калининградцев неизвестной, хотя возможность придать Шиллеру, как Фогельвейде, пролетарское происхождение была: считается, что скульптору позировал один из докеров Кёнигсбергского порта [28, с. 174].

Казус памятника Шиллера также очень важен для понимания того, как складывался и эволюционировал дискурс в отношении наследия в советский период. Немецкий классик стал компромиссной фигурой: для представителей интеллигенции, ориентированной на европейскую культуру, он был инструментом воспитания уважения к наследию, для партийных руководителей — средством продемонстрировать высокий культурный уровень советских людей. Непримируемые оппоненты в дискуссии о судьбе Кёнигсбергского замка, писатель В. П. Ерашов (1927–1999) и первый секретарь обкома партии Н. С. Коновалов (1907–1993), примерно одинаково высказывались о памятнике Шиллеру. Ерашов писал в «Литературной газете» в 1966 г.: «...мы бережно сохраняем на этой земле все, что связано с подлинной культурой немецкого народа. Государство охраняет могилу великого философа Иммануила Канта — в эти дни у саркофага в мавзолее из розового порфира лежат букеты весенних цветов. Цветы у подножия памятника Шиллеру, что возле драматического театра и областной библиотеки. <...> Многие улицы названы в честь выдающихся сынов немецкого народа — Маркса, Энгельса, Тельмана, Вагнера, Генделя, Шиллера, Канта...» [22, с. 3] (на самом деле улицы Канта на тот момент в городе не было).

В качестве контраргумента в заочной полемике с «западногерманскими реваншистами» тот же пример использовал годом позднее Н. С. Коновалов. В День Победы, 9 мая 1967 г., «Литературная газета» отвела целую полосу под критику выступлений печати ФРГ, утверждавшей, что Калининград представляет собой «мертвый город». Коновалов писал, обнаруживая осведомленность (свою

или спичрайтеров) относительно ключевых фигур мемориального ландшафта Кёнигсберга: «У нас нет памятников Бисмарку, Вильгельму или Гинденбургу. Но мы глубоко чтим истинно великих представителей немецкой нации. Лучшие улицы наших городов названы именами выдающихся сынов немецкого народа: Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Эрнста Тельмана, Карла Либкнехта, Фридриха Шиллера, Рихарда Вагнера и других» [30]. Ряд фотоснимков, демонстрировавших процветание Янтарного края, включал изображения памятника Шиллеру (в редакционном комментарии вновь пересказывалась легенда о «неизвестном русском солдате») и могилы Канта. Почти дословное совпадение текстов Ерашова и Коновалова говорит или о дискурсивном консенсусе между ними, или о непритязательности партийных руководителей в подготовке их текстов. Впрочем, как доказывает Д. К. Бриджес, из партийной перспективы памятник служил двум взаимосвязанным целям — воспитательной (Шиллер интерпретировался как «прогрессивный немец», предтеча Маркса и Энгельса в борьбе против деспотизма) и пропагандистской (восстанавливая памятник, Советский Союз представал как «защитник мировой культуры» в глазах редких делегаций из соцстран) [48, р. 256–257]. В любом случае, однако, казус Шиллера (как и Канта) проблематизирует однозначную оценку советской политики памяти: в Калининграде оказалось возможным выстраивать нюансированный подход к коммеморации представителей чужой культуры в условиях отсутствия символов культуры собственной.

Вплоть до конца советского периода Шиллер оставался идеологически безупречной фигурой — его имя наряду с именем Канта стало «достоянием истории, а произведения вошли в сокровищницу мировой культуры» [45]. В канун перестройки калининградская интеллигенция, вдохновленная этим прецедентом, предприняла попытку инициировать установку памятников деятелям культуры, прежде всего довоенной. Калининградская писательская организация направила 11 февраля 1980 г. в облисполком и обком КПСС письмо по вопросам сохранения и ре-

ставрации памятников истории и культуры. В письме, подписанном председателем организации Ю. Н. Ивановым, выражалась обеспокоенность по поводу разрушения архитектурных памятников немецкого периода. Шла в документе речь и о городской скульптуре. В частности, на Центральном острове предлагалось установить хранящийся на заднем дворе зоопарка «монумент основателю европейской поэтики Вальтеру фон Фогельвейде, чье семисотпятидесятилетие со дня смерти (1230 г.) будет широко отмечаться в мире по линии ЮНЕСКО» (особо подчеркивался запрет творчества Фогельвейде «в фашистской Германии»; это утверждение, по всей видимости, было тактической уловкой). Также выражалось пожелание установить памятники кёнигсбергской художнице Кэте Кольвиц, И. Канту, К. Донелайтису, профессору университета Л. Резе, ученым К. Э. фон Бэру, Г. Л. Ф. Гельмгольцу, К. Г. Я. Якоби, Ф. В. Бесселю [8, л. 1–6]. Характерно, что писатели стремились в первую очередь увековечить память о деятелях культуры, чья жизнь была связана с Кёнигсбергом, при этом не звучали предложения по поводу российских ученых или литераторов (за исключением Бэра). Тогда реализовать эти замыслы не удалось. После 1991 г. был воссоздан памятник Канту (1992 г.)¹, памятник Резе установлен в 2005 г. Память о других деятелях культуры, упомянутых в письме писательской организации, увековечена иными способами.

Заключение. Проведенное исследование позволило автору сделать ряд выводов относительно особенностей советской политики памяти в Калининграде, которая в аспекте гражданской монументальной скульптуры ранее не была предметом специального внимания историков. Во-первых,

¹ Архивные документы, впрочем, позволяют утверждать, что городские власти еще в 1980 г. откликнулись на просьбу правления Философского общества СССР восстановить утраченный памятник Канту и что Б. В. Едунов даже изготовил модель этой скульптуры. Предполагалось разместить памятник «примерно на старом месте», в сквере на ул. Университетской. Этот акт, как писали секретарь горкома КПСС и председатель горисполкома в обком и облисполком, стал бы «убедительным свидетельством глубокого уважения советского народа к выдающемуся представителю мировой культуры» [7, л. 15]. Однако, по всей видимости, на областном уровне это решение было торпедировано, поэтому инициаторам пришлось ждать больше десяти лет.

в городе увековечивалась память практически только о тех деятелях, которые никак не были связаны ни с Кёнигсбергом, ни с Калининградом. Единственным исключением стал Э. Тельман, который все же посетил Кёнигсберг как минимум один раз: 6 апреля 1932 г. он выступал в Доме техники на митинге перед рабочими в рамках президентской кампании [56]². Остальные лица, независимо от национальной принадлежности, к городу отношения не имели.

Во-вторых, в российском городе не было ни одного монументального памятника деятелям отечественной культуры. Частично дефицит национальных символов в монументальной скульптуре в позднесоветский период восполнила парковая скульптура. В 1984 г. был создан парк скульптур как филиал историко-художественного музея [43]. Среди объектов, полученных музеем в 1983–1986 гг., были фигуры таких выдающихся соотечественников, как А. А. Блок (1980), Ю. А. Гагарин (1975), М. Горький (1984), Петр I (1983), П. И. Чайковский (1968), а также таких представителей европейской культуры, как Г. Ф. Гендель (1963), А. Мицкевич (1967), Ф. Шопен (1964). Несмотря на внешне случайный принцип подбора персонажей, больше половины из них хотя бы проездом бывали в Кёнигсберге или хотя бы в Восточной Пруссии (Блок, Горький, Мицкевич, Петр I, Чайковский). В этом отношении странная традиция увековечивать память о не связанных с регионом деятелях потеряла свою актуальность. Но важнее было другое — создание такого парка должно было, как выразился народный художник СССР С. П. Ткачев, компенсировать отсутствие «того национального исторического пласта, который есть в любом другом нашем городе» [цит. по: 44, с. 235]. Любопытно, что к этому выводу лица, принимавшие решения, пришли лишь в конце советского периода.

Третья особенность политики памяти — невротичная заикленность официоза на немецкой тематике. Казалось бы, «изгна-

² Мнение некоторых авторов, что Тельман «никогда не имел никаких связей с этим регионом» [54, р. 273], безосновательно. С другой стороны, в советское время утверждалось также, что Тельман выступал во время парламентских выборов 1928 г. перед рабочими завода Шихау в Кёнигсберге [20, с. 56], но найти подтверждение этому пока не удалось.

ние прусского духа» было бы эффективным в том случае, если бы советский ландшафт памяти акцентировал внимание на фигурах, которые противостояли германской традиции, начиная с пруссов. Однако для регионального пространства было характерно полное отсутствие коммеморативных практик, которые позволяли бы поддерживать память о предшественниках немцев на этой земле. С точки зрения советской идеологии пруссы были жертвами Тевтонского ордена, покорившего их в XIII в. Самым логичным было бы увековечить память о них в той или иной форме, чтобы подчеркнуть агрессивный характер германской цивилизации, однако, как отметил в недавней работе французский исследователь О. Рокпло, старопрусская идентичность не нашла своих агентов — ни в советский, ни в постсоветский период [55, р. 227]. Если немецкое культурное наследие получало хоть какую-то поддержку уже с начала 1950-х гг., а в постсоветский период масштабы этой поддержки возросли многократно, то пруссы остаются фигурой умолчания в мемориальном ландшафте (в отличие, например, от Клайпеды, где установлен памятник Геркусу Мантасу, вождю восстания пруссов против ордена). Столь же индифферентным советский дискурс оказался в отношении других жертв — евреев, история общины которых в Восточной Пруссии оставалась табуированной вплоть до 1990-х гг. Исключением могли стать восточнопрусские литовцы — в 1979 г. в пос. Чистые Пруды был открыт музей поэта К. Донелайтиса, что вполне отвечало установкам на продвижение единства советских республик и поддержку национальных культур. Однако в областном центре никаких значимых объектов, напоминающих о литовском присутствии в истории этой земли, до конца советской эпохи не появилось. Вместо аккуратной работы с тематикой многокультурности, или, на официальном языке, интернационализма, власти сами готовили реванш немецкой истории в сознании калининградцев.

Еще одна черта политики памяти в советском Калининграде заключалась в том, что все монументальные скульптуры либо относились к немецкому наследию, либо были установлены по решению властей. Несмотря

на то что в некоторых случаях власти ссылались на «наказы трудящихся», нет сомнений, что сооружение памятников строго контролировалось руководством. Даже малейшее нарушение этого порядка, как показал пример «Матери-России», вызывало раздражение в Москве. Только атмосфера перестройки, в которой пробудилась общественная инициатива и зародились неформальные движения, оказалась благоприятной для складывания новых культурных практик. В декабре 1988 г. прошло учредительное собрание Калининградского общества почитателей А. С. Пушкина, одной из своих задач провозгласившего установку памятника великому русскому поэту в одноименном сквере [29, с. 86]. Это событие произошло уже в 1993 г. Еще один парадокс: коммеморативная инициатива «благодарных почитателей поэта-гуманиста», которая была возможной в довоенном Кёнигсберге, не могла повториться в советском Калининграде, но была срифмована с аналогичной инициативой в раннем постсоветском Калининграде. Континуитет в истории немецкого города, ставшего российским, характерен не только для политических, но и для связанных с ними культурных практик.

Перспективы дальнейшего исследования темы связаны с расширением источниковой базы (путем введения документов советских и партийных органов в научный оборот, а также выявления дополнительных источников личного происхождения), благодаря чему можно будет уточнить понимание как обстоятельств проектирования и возведения монументов, так и характера изменений в их восприятии обществом. Эта тема заслуживает тщательного изучения, результаты которого существенно обогатят наши представления о советской политике памяти — о границах возможного в ней, о парадоксальной преемственности практик, о внутренней противоречивости и причудливой генеалогии современных подходов к культурному наследию в нашей стране.

Автор выражает признательность за содействие в подготовке статьи В. И. Егоровой, Ю. В. Костяшову, Е. С. Манюк, А. А. Матвееву, Я. Г. Шепелю.

Илья О. DEMENTEV

Cand. Sci. (General History), Assoc. Prof.,
 Institute for the Humanities,
 Immanuel Kant Baltic Federal University,
 Kaliningrad, Russian Federation,
idementev@kantiana.ru
 ORCID: 0000-0001-5530-1108

**Soviet-Era Civic Monuments
 in the Cultural Landscape of Kaliningrad**

Abstract. The article explores the circumstances of the emergence of civic monuments and their role in the cultural landscape of Kaliningrad during the Soviet period (1946–1991). The research was carried out within the framework of memory studies and also used the traditional historical methods of a narrative research approach and comparative analysis. The source base of the article includes normative acts and administrative documents of the authorities, documents of non-governmental organisations, mass-media materials, and egodocuments. Monuments to German politicians remained in Königsberg after World War II, but most of them were destroyed in the first post-war years. The authorities considered the installation of monuments to Soviet politicians to be an important ideological task (Stalin, 1953, moved to another place in 1958, dismantled in 1962; Lenin, 1958; Kalinin, 1959). The article describes the circumstances of the construction of these monuments and other ones (“Mother Russia”, 1974). The former German city also commemorated the prominent figures in German history, above all those who belonged to the revolutionary tradition: the article describes the installation of the busts of Karl Marx (1961) and Ernst Thälmann (1956; 1977). Special attention is paid to the monument to Friedrich Schiller (1910), which became an important object in the urban landscape. The case of Schiller as of a “progressive German” allowed the Soviet authorities to elaborate a complex approach to the commemoration of figures of foreign cultures in the absence of similar symbols of Russian (Soviet) culture. For citizens, this monument became an important part of local iconography, facilitating the later rehabilitation of pre-war heritage. The author concludes that the history of the monumental civic sculpture of Soviet Kaliningrad reveals the paradoxical character of the Soviet politics of memory: figures unrelated to the city’s history were commemorated (except Thälmann); the only monument to a cultural figure was the statue of the German writer Schiller; the fight against German heritage was not effective enough because it did not offer an alternative commemoration (in relation to representatives of other ethnic cultures—Lithuanians or Old Prussians). It is also important that, during the Soviet era, the erection of monuments was the prerogative of the authorities, and, although public initiatives took place at the late stagnation period, the opportunities for their implementation arose only during Perestroika. The history of civic monumental sculpture in Kaliningrad allows us to expand our understanding of the contradictions of the Soviet politics of memory.

Keywords: politics of memory, monumental propaganda, cultural heritage, civic monuments, Kaliningrad, Soviet era.

Использованная литература:

1. Андрущенко Ю. Калининград // Калининград: лит.-худ. и общ.-полит. сб. Калининград: Издательство газеты «Калининградская правда», 1951. С. 163.
2. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы. М.: РОССПЭН, 2001.
3. Ведин Ф. Город – будет! Рига: Латгосиздат, 1953.
4. Воробьев П. Околomorphic мое. Калининград: Книжное издательство, 1971.

References:

1. Andrushchenko, Yu. (1951) Kaliningrad. In: *Kaliningrad: lit.-khud. i obshch.-polit. sb.* [Kaliningrad: A Literary, Artistic, and Sociopolitical Collection]. Kaliningrad: Izdatel'stvo gazety “Kaliningradskaya pravda”. p. 163.
2. Afanas'eva, E.S. et al. (2001) *Apparat TsK KPSS i kul'tura. 1953–1957: Dokumenty* [Apparatus of the Central Committee of the CPSU and Culture. 1953–1957: Documents]. Moscow: ROSSPEN.

5. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. СПб.: Бельведер, 2002.
6. Георгиева Г. Символ России родной // Калининградская правда. 1974. 5 ноября. С. 1.
7. Государственный архив Калининградской области. Ф. П-1. Оп. 76. Д. 159.
8. Государственный архив Калининградской области. Ф. П-1. Оп. 76. Д. 201.
9. Государственный архив Калининградской области. Ф. П-2. Оп. 12. Д. 3.
10. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 534.
11. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-216. Оп. 2. Д. 418.
12. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-297. Оп. 11. Д. 527.
13. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 20.
14. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 25.
15. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-615. Оп. 2. Д. 4.
16. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-615. Оп. 2. Д. 5.
17. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-615. Оп. 2. Д. 18.
18. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-615. Оп. 2. Д. 20.
19. Денисов В. В. Калининград – судьба моя. Калининград: Книжное издательство, 2001.
20. Дмитриев В. Дело о янтарной комнате. Калининград: Книжное издательство, 1960.
21. Дмитриев В. Памятник // Калининградская правда. 1959. 10 ноября. С. 4.
22. Ерашов В. Мирная Балтика // Литературная газета. 1966. 26 мая. С. 1–3.
23. Закладка памятника М. И. Калинин // Калининградская правда. 1951. 8 апреля. С. 1.
24. Иванов Ю. В осажденном городе // Калининградский комсомолец. 1973. 14 декабря.
25. Иноземцев Н. Н. Фронтовой дневник. М.: Наука, 2005.
26. Каким будет Калининград // Калининградская правда. 1949. 30 апреля. С. 3.
27. Калининградцы чтят память великого поэта // Калининградская правда. 1959. 10 ноября. С. 4.
28. Кёнигсберг – Калининград: Ил. энцикл. справочник / под ред. А. С. Пржездомского. Калининград: Янтарный сказ, 2006.
29. Кичатов Ф. З. Кофейный портрет. Воспоминания об открытии памятника А. С. Пушкину в Калининграде // Калининградские архивы. Калининград: Издательство КГУ, 2004. Вып. 6. С. 86–102.
30. Коновалов Н. Молодой край советской России // Литературная газета. 1967. 9 мая. С. 13.
31. Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград: Terra Балтика, 2009.
32. Лавровский В., Барг М. Сделано немало, следует сделать больше // Калининградская правда. 1948. 18 августа. С. 3.
3. Vedin, F. (1953) *Gorod – budet!* [The City Will Be!]. Riga: Latgosizdat.
4. Vorob'ev, P. (1971) *Okolomor'e moe* [My Okolomorye]. Kaliningrad: Knizhnoe izdatel'stvo.
5. Gal'tsova, S.P. et al. (2002) *Vostochnaya Prussiya glazami sovetskikh pereselentsev. Pervye gody Kaliningradskoy oblasti v vospominaniyakh i dokumentakh* [East Prussia Through the Eyes of Soviet Immigrants. The First Years of Kaliningrad Oblast in Memoirs and Documents]. Saint Petersburg: Bel'veder.
6. Georgieva, G. (1974) *Simvol Rossii rodnoy* [The Symbol of Native Russia]. *Kaliningradskaya pravda*. 5 Nov. p. 1.
7. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund P-1. List 76. File 159.
8. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund P-1. List 76. File 201.
9. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund P-2. List 12. File 3.
10. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-68. List 1. File 534.
11. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-216. List 2. File 418.
12. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-297. List 11. File 527.
13. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-615. List 1. File 20.
14. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-615. List 1. File 25.
15. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-615. List 2. File 4.
16. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-615. List 2. File 5.
17. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-615. List 2. File 18.
18. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-615. List 2. File 20.
19. Denisov, V.V. (2001) *Kaliningrad – sud'ba moyaya* [Kaliningrad, My Destiny]. Kaliningrad: Knizhnoe izdatel'stvo.
20. Dmitriev, V. (1960) *Delo o yantarnoy komnate* [The Case of the Amber Room]. Kaliningrad: Knizhnoe izdatel'stvo.
21. Dmitriev, V. (1959) *Pamyatnik* [Monument]. *Kaliningradskaya pravda*. 10 Nov. p. 4.
22. Erashov, V. (1966) *Mirnaya Baltika* [The Peaceful Baltic Region]. *Literaturnaya gazeta*. 26 May. pp. 1–3.
23. *Kaliningradskaya pravda*. (1951) *Zakladka pamyatnika M.I. Kalininu* [The Laying of the Monument to M.I. Kalinin]. 8 April. p. 1.
24. Ivanov, Yu. (1973) *V osazhdennom gorode* [In the Besieged City]. *Kaliningradskiy komsomolets*. 14 December.
25. Inozemtsev, N.N. (2005) *Frontovoy dnevnik* [A Front Diary]. Moscow: Nauka.
26. *Kaliningradskaya pravda*. (1949) *Kakim budet Kaliningrad* [What Kaliningrad Will Be]. *Kaliningradskaya pravda*. 30 April. p. 3.
27. *Kaliningradskaya pravda*. (1959) *Kaliningradtsy chtyat pamyat' velikogo poeta* [Kaliningrad Residents Honor the Memory of the Great Poet]. *Kaliningradskaya pravda*. 10 November. p. 4.
28. Przhezdowskiy, A.S. (ed.) (2006) *Kenigsberg – Kaliningrad: Ill. entsikl. spravochnik* [Königsberg—

33. Лихачев Н. Г., Чекан Р. В. На автомобиле по Янтарному краю. Калининград: Книжное издательство, 1981.
34. «Мать-Россия» в центре Калининграда оказалась Сталиным. [Электронный ресурс] // BBC News (русская служба). URL: https://www.bbc.com/russian/society/2012/12/121221_kaliningrad_stalin_monument (дата обращения 15.08.2020).
35. Метельский Г. Янтарный берег. М.: Мысль, 1969.
36. Не сотвори себе кумира / сост. А. Б. Губин // Балтийский альманах / Калинингр. регион. обществ. фонд культуры; Калинингр. клуб краеведов. Калининград: б. м., 2006. № 6. С. 6–21.
37. Открытие в Калининграде памятника-монумента И. В. Сталину // Калининградская правда. 1953. 30 апреля. С. 1.
38. Памяти великого писателя // Калининградская правда. 1955. 10 мая. С. 4.
39. Памятник Э. Тельману // Калининградская правда. 1977. 4 января. С. 3.
40. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.
41. Самая Западная: Сборник документов и материалов о становлении и развитии Калининградской области. 1952–1961 гг. Калининград: Книжное издательство, 1987.
42. Сохранять памятники архитектуры // Калининградская правда. 1959. 28 октября. С. 3.
43. Фостова С. А. Из истории организации Парка скульптур в 1981–1991 гг. (из фондов архива Калининградского областного историко-художественного музея) // Время музея. Калининград: Аксиос, 2018. Вып. 1. С. 111–125.
44. Фостова С. А. Монументальная пропаганда в советском Калининграде: от войны памятников до мира // Студенческие Смольные чтения: Сб. тр. конф. / СПбГУ. СПб.: Астерион, 2020. С. 230–237.
45. Цуранов В. На память о памятниках // Калининградский комсомолец. 1976. 23 июня. С. 3.
46. Чебуркин Н. Конный памятник // Балтийский альманах / Калинингр. регион. обществ. фонд культуры; Калинингр. клуб краеведов. Калининград, 2004. Вып. 4. С. 10–12.
47. Шатров Е. Тайна «Янтарной комнаты» // Известия. 1960. 7 сентября. С. 4.
48. Bridges D. K. In Moscow's image? Creating Soviet state and society in Kaliningrad province, 1945–1970: Diss. / University of Virginia. 2008.
49. Brodersen P. Die Stadt im Westen. Wie Königsberg Kaliningrad wurde. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2008.
50. Elbląg, Kaliningrad – ponad granicami. Эльблонг, Калининград – вне границ: Ист. путеводитель / Музей «Фридландские ворота» (Калининград), Muzeum Archeologiczno-Historyczne (Elbląg). Б. м., б. г.
51. Hoppe V. Auf den Trümmern von Königsberg. Kaliningrad 1946–1970. München: R. Oldenbourg, 2000.
52. Mühlpfordt H. M. Königsberger Skulpturen und ihre Meister 1255–1945. Würzburg: Holzner Verlag, 1970.
- Kaliningrad: An Illustrated Encyclopedic Reference Book]. Калининград: Yantarnyy skaz.
29. Kichatov, F.Z. (2004) Kofeynyy portret. Vospominaniya ob otkrytii pamyatnika A.S. Pushkinu v Kaliningrade [A Coffee Portrait. Memories of the Opening of the Monument to A.S. Pushkin in Kaliningrad]. In: Kostyashov, Yu.V. et al. (eds) *Kaliningradskie arkhivy* [Kaliningrad Archives]. Vol. 6. Калининград: Калининград State University. pp. 86–102.
30. Konovalov, N. (1967) Molodoy kray sovetskoy Rossii [A Young Region of Soviet Russia]. *Literaturnaya gazeta*. 9 May. p. 13.
31. Kostyashov, Yu.V. (2009) *Sekret'naya istoriya Kaliningradskoy oblasti. Ocherki 1945–1956 gg.* [The Secret History of Kaliningrad Obast. Essays of 1945–1956]. Калининград: Terra Baltika.
32. Lavrovskiy, V. & Barg, M. (1948) Sdelano nemalo, sleduet sdelat' bol'she [Much Has Been Done, More Needs to Be Done]. *Kaliningradskaya pravda*. 18 August. p. 3.
33. Likhachev, N.G. & Chekan, R.V. (1981) *Na avtomobile po yantarnomu krayu* [Around the Amber Land by Car]. Калининград: Knizhnoe izdatel'stvo.
34. BBC. (2012) "Mat'-Rossiya" v tsentre Kaliningrada okazalas' Stalinym [Mother Russia in the Center of Kaliningrad Turned Out to Be Stalin]. 21 December. [Online] Available from: https://www.bbc.com/russian/society/2012/12/121221_kaliningrad_stalin_monument. (Accessed 15.08.2020).
35. Metel'skiy, G. (1969) *Yantarnyy bereg* [The Amber Shore]. Moscow: Mysl'.
36. Gubin, A.B. (2006) Ne sotvori sebe kumira [Do Not Make an Idol for Yourself]. In: *Baltiyskiy al'manakh* [Baltic Almanac]. Vol. 6. Калининград: [s.n.]. pp. 6–21.
37. *Kaliningradskaya pravda*. (1953) Otkrytie v Kaliningrade pamyatnika-monumenta I.V. Stalinu [The Opening of the Monument to I.V. Stalin in Kaliningrad]. 30 April. p. 1.
38. *Kaliningradskaya pravda*. (1955) Pamyati velikogo pisatelya [In Memory of the Great Writer]. 10 May. p. 4.
39. *Kaliningradskaya pravda*. (1977) Pamyatni, E. Tel'manu [Monument to E. Telman]. 4 January. p. 3.
40. Miller, A.I. & Efremenko, D.V. (eds) (2020) *Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranakh Vostochnoy Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The Politics of Memory in Modern Russia and in the Countries of Eastern Europe. Actors, Institutions, Narratives]. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg.
41. Klimova, A.I. et al. (1987) *Samaya Zapadnaya: Sbornik dokumentov i materialov o stanovlenii i razviti Kaliningradskoy oblasti. 1952–1961 gg.* [The Most Western: A Collection of Documents and Materials on the Establishment and Development of Kaliningrad Oblast. 1952–1961]. Калининград: Knizhnoe izdatel'stv.
42. *Kaliningradskaya pravda*. (1955) Sokhranyat' pamyatniki arkhitektury [To Preserve Architectural Monuments]. 28 October. p. 3.
43. Fostova, S.A. (2018) The Excerpts on the History of Setting up the "Sculpture Park" in 1981–1991 (Based on the Archive Funds of the Regional Museum of History and Art). In: Teten'kina, T.G. (ed.) *Vremya muzeya* [Vremya Muzeya. A Collection of Articles]. Vol. 1. Калининград: Aksios. pp. 111–125. (In Russian).

53. Neue Zeit. Zeitung für die deutsche Bevölkerung des Kaliningrader Gebietes. 1947. 12 Oktober. № 2.
54. Oldberg I. The Emergence of a Regional Identity in the Kaliningrad Oblast // *Cooperation and Conflict*. 2000. Vol. 35, № 3. P. 269–288.
55. Roqueplo O. La Russie et son miroir d'Extrême-Occident: l'identité géopolitique de la Russie ultra-périphérique sous le prisme de l'Oblast' de Kaliningrad. Etude géographique et géopolitique: Thèse. Paris: INALCO, 2017.
56. Thälmanns Kampfruf an der Ostgrenze // *Die rote Fahne*. 1932. 7 April. S. 2.
44. Fostova, S.A. (2020) [Monumental Propaganda in Soviet Kaliningrad: From War of Monuments to Peace]. *Studencheskie Smol'nye chteniya* [Student Smolny Readings]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 17–19 April 2020. Saint Petersburg: Asterion. pp. 230–237. (In Russian).
45. Tsuranov, V. (1976) Na pamyat' o pamyatnikakh [In Memory of the Monuments]. *Kaliningradskiy komsomolets*. 23 June. p. 3.
46. Cheburkin, N. (2004) Konnyy pamyatnik [Equestrian Monument]. In: *Baltiyskiy al'manakh* [Baltic Almanac]. Vol. 4. Kaliningrad: [s.n.]. pp. 10–12.
47. Shatrov, E. (1960) Tayna "Yantarnoy komnaty" [The Mystery of the "Amber Room"]. *Izvestiya*. 7 September. p. 4.
48. Bridges, D.K. (2008) *In Moscow's Image? Creating Soviet State and Society in Kaliningrad Province, 1945–1970*. PhD Thesis. University of Virginia. Charlottesville, VA
49. Brodersen, P. (2008) *Die Stadt im Westen. Wie Königsberg Kaliningrad wurde* [The City in the West. How Königsberg Became Kaliningrad]. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
50. Rynkiewicz-Domino, W., Martyniuk, A. & Wiertiaszkina, A. (n.d.) *Elbląg, Kaliningrad: ponad granicami. Przewodnik historyczny. El'blong, Kaliningrad – vne granits: Ist. putevoditel'* [Elblag, Kaliningrad: Over the Borders: A Historical Guide]. Muzeum Archeologiczno-Historyczne (Elblag); Friedland Gate Museum (Kaliningrad). S.l.: [s.n.].
51. Hoppe, B. (2000) *Aufden Trümmern von Königsberg. Kaliningrad 1946–1970* [On the Ruins of Königsberg. Kaliningrad, 1946–1970]. München: R. Oldenbourg.
52. Mühlpfordt, H.M. (1970) *Königsberger Skulpturen und ihre Meister 1255–1945* [Königsberg Sculptures and Their Creators, 1255–1945]. Würzburg: Holzner Verlag.
53. Neue Zeit. Zeitung für die deutsche Bevölkerung des Kaliningrader Gebietes. (1947) 12 October. 2.
54. Oldberg, I. (2000) The Emergence of a Regional Identity in the Kaliningrad Oblast. *Cooperation and Conflict*. 35 (3). pp. 269–288. DOI: 10.1177/00108360021962101
55. Roqueplo, O. (2017) *La Russie et son miroir d'Extrême-Occident: l'identité géopolitique de la Russie ultra-périphérique sous le prisme de l'Oblast' de Kaliningrad. Etude géographique et géopolitique* [Russia and Its Mirror of the Far West: The Geopolitical Identity of Ultra-Peripheral Russia Through the Prism of Kaliningrad Oblast. A Geographical and Geopolitical Study]. Thèse. Paris: INALCO.
56. *Die rote Fahne*. (1932) Thälmanns Kampfruf an der Ostgrenze [Thälmann's Battle Call at the Eastern Border]. 7 April. p. 2.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Дементьев, И. О. Советские гражданские памятники в культурном ландшафте Калининграда / И. О. Дементьев // *Наследие веков*. – 2020. – № 3 – С. 40–61. DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.003

Full bibliographic reference to the article:

Dementev, I.O. (2020) Soviet-Era Civic Monuments in the Cultural Landscape of Kaliningrad. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 40–61. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.003